

НЕЛЛИ КОПЕЙКИНА

НОЖИ

Нелли Копейкина

Ножи

«Издательские решения»

Копейкина Н.

Ножи / Н. Копейкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933234-9

Роман «Ножи» носит детективный характер. Совершаются три попытки убить Клару Юрьевну — сотрудника налоговой службы, дочь богатого бизнесмена, невесту известного профессора. Все три раза метод убийства был один и тот же и носил странный для современности характер. Широк спектр раскрытых автором характеров, бытовых норм, жизненных ситуаций.

ISBN 978-5-44-933234-9

© Копейкина Н.
© Издательские решения

Ножи

Нелли Копейкина

© Нелли Копейкина, 2024

ISBN 978-5-4493-3234-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман «Ножи» носит детективный характер. Совершаются три попытки убить Клару Юрьевну – сотрудника налоговой службы, дочь богатого бизнесмена, невесту известного профессора. Все три раза метод убийства был один и тот же и носил странный для современности характер. Широкий спектр раскрытых автором характеров, бытовых норм, жизненных ситуаций.

Катя – красивая ухоженная молодая женщина – сидела на табурете, курила и с завистью рассматривала Клару со спины.

– А ты, сестричка, совсем не полнеешь, всё хорошеешь с годами.

– Спасибо, – улыбнувшись, но, не оборачиваясь, ответила не менее красивая и ухоженная, но более стройная Клара, готовящая по заказу своей гостьи Кати сырники.

– А помнишь, как мы в детстве ссорились?

Неприятные воспоминания больно хлестнули сознание Клары, улыбка с лица её тут же сошла, глаза погрузнели, действия её немного притормозились, почему-то очень захотелось ответить сестре резким «да», но Клара сдержалась и, надев улыбку, которая отчего-то получилась виноватой, обернулась к сестре:

– Дорогая, давай забудем.

– Н... да. Ну и вредная же я была. Хорошо, забудем, – согласилась Катя, хотя ни одна из женщин не могла забыть вот так просто по желанию своё детство. Это был уговор не вспоминать его.

Катя и Клара были родными сёстрами по отцу, но матери у них были разные. Мать Клары умерла, когда девочке было три года, через год отец её женился, а ещё через год на свет появилась Катя. Внешне девочки были похожи, в них сразу угадывались сёстры, но нрав у сестричек был разный: Клара росла мечтательной девочкой, была всегда отличницей и очень всем нравилась. Катя росла непоседливой, балованной, капризной, и учёба ей давалась с трудом. Сейчас сёстры жили раздельно. Клара жила в своей квартире, которую унаследовала от бабушки и дедушки по линии покойной матери, Кате отец купил квартиру-студию в доме напротив своего. Клара успешно закончила учёбу в вузе и работала в налоговой полиции, Кате отец купил диплом филолога, и она числилась безработной. С середины весны сёстры неожиданно сблизились. Катя стала навещать сестру, делиться с ней своими женскими секретами, одаривать подарками. Поначалу Клара принимала Катю настороженно, но потом, видя, как сестра изменилась, обмякла и стала принимать её с радостью.

– Ты очень добрая, – снова заговорила Катя, гася сигарету в пепельнице. – Как здорово, что ты у меня есть.

Клара, закончившая стряпню, обернулась к сестре:

– Катя, да что на тебя сегодня нашло?

– На меня, Кларчик, нашла сентиментальность. Один наш приятель сказал, что это модно, так я теперь стараюсь, – отшутилась Катя. – А ты, насколько я помню, всегда сентиментальничала.

– Тебе идёт.

- Что?
- Сентиментальность.
- А... Ха-ха, знаешь, и я так думаю.
- Сёстры рассмеялись.

– Клара очень положительно влияет на Катю, – заметил за вечерним чаем Юрий Владимирович. Жена его Вера Станиславовна, хоть и не считала так, решила с мужем не спорить и на всякий случай согласилась:

– Кажется, да.

– Надо ж, чего учудила, – продолжал Юрий Владимирович, поглаживая большим пальцем изящную чашечку с позолоченной каёмкой из тонкого белого фарфора с позолоченной каёмкой, которую задержал не донося немного до губ, – даже вспомнила мой день рождения!

– Не понимаю, – со звяканьем ставя на блюде перед собой такую же чашку с душистым чаем, с нескрываемым раздражением в голосе ответила жена, – при чём здесь Клара! – Вера Станиславовна в негодовании даже повела своим круглым полным плечом. Не реагируя на замечание жены, Юрий Владимирович продолжал:

– Сегодня она даже помыла посуду за собой! Кажется, это впервые в жизни! – Лицо Юрия Владимировича светилось радостью, и, глядя на жену, он смотрел как будто куда-то дальше, сквозь неё.

– Наша дочь взрослеет. Не понимаю, чему тут можно удивляться. Я ж всегда тебе говорила: подожди, повзрослеет, поумнеет. Здесь надо радоваться, – парировала Вера Станиславовна всё с тем же раздражением в голосе, поджав вялые напомаженные губы и мелко потрясывая головой.

– Так я и радуюсь, дорогая, – обратив на жену взгляд, потерявший уже в действительности оттенок радости, ответил Юрий Владимирович.

– А вот с Klarой тебе как отцу следует поговорить, – перешла в атаку Вера Станиславовна. При этих словах она мотнула головой, как лошадь, сбрасывающая с глаз длинную чёлку.

– С Klarой? – насторожился Юрий Владимирович. – А что такое?

– Ну, ты же знаешь, она серьёзно связалась с этим нищим профессором, хочет выйти за него замуж. Не допустишь же ты, чтоб она всю жизнь нищенствовала!

В левой руке Веры Станиславовны оставался недоеденный кусок пирожного, который ей уже не лез в горло; она с досадой посмотрела на него, кинула в тарелочку-пирожницу, резко выцапала одну из салфеток, красиво уложенных в салфетнице, скомкала её в левой руке, обтирая пальцы, и швырнула на бело-бежевую скатерть.

– Не допущу! – заметно повеселел Юрий Владимирович, поняв, о чём идёт речь. Задержав секунд на тридцать взгляд на жёлтой скомканной салфетке, примостившейся недалеко от позолоченной вазочки с вареньем и портящей общий настрой и порядок на столе, Юрий Владимирович поднял взгляд на жену. На долю секунды Вера Станиславовна уловила в этом взгляде что-то очень трогательное. Это был так нравившийся ей когда-то взгляд мужа – голубоглазого красавца, исполненный торжества победы, когда он сообщал ей – своей Верочке – о каком-то радостном для них событии. Чаше это были его финансовые победы, но с годами взгляд этот появлялся всё реже, а потому был уже стёрт из памяти женщины, и сейчас, не видя за мужем никакой победы, а даже наоборот, Вера Станиславовна как будто даже обиделась на эту промелькнувшую трогательность и распенила её как издёвку мужа над ней.

– А не пора ли мне серьёзно заняться завещанием, а, как ты думаешь? – лукаво прищурившись, спросил Юрий Владимирович жену.

Юрий Владимирович – отец Klarы и Кати – до перестройки был активным партийным деятелем и легко продвигался по карьерной лестнице. После смены власти, имея приличный капитал, нажитый действиями, не вменяемыми в рамки закона, Юрий Владимирович неза-

метно сошёл с политической арены, приватизировал ряд неприметных предприятий и активно занялся коммерцией. На сегодняшний день он был владельцем земельного участка под Москвой, на котором смог бы расположиться целый кооператив, особняка, именуемого им дачей, двух машин, пяти квартир в Москве, помимо той, в которой жил, одной квартиры в Ленинграде, одной в Ташкенте. Кроме того, он владел несколькими автозаправочными бензоколонками по кольцевой дороге и тремя фирмами. Не пустовали и его счета, которые он предпочитал иметь в иностранных банках. Юрий Владимирович не был любителем славы, шума вокруг себя, считал стремление к известности признаком убогости и предпочитал числиться среднеспичной единицей, а потому большая часть его имущества принадлежала ему инкогнито и ото всех, даже от своей жены Веры Станиславовны, он тщательно скрывал это, скрывал и истинные размеры своих доходов. Вера Станиславовна догадывалась об этом, и это очень её раздражало. Сейчас, услышав от мужа о завещании, она особенно разволновалась. «Опять он о завещании, – думала она. – Ведь и правда всё разделит на девчонок, а меня-то уж он и в расчёт не берёт, думает, что переживёт меня лет на сто. А Кларке вообще ничего не положено, она уж получила своё наследство, пусть скажет спасибо, что вырастили, выучили её. Нет, этого допустить нельзя».

– Когда ты будешь писать завещание, Юр, – заискивающим голосом заговорила Вера Станиславовна, теребя край скатерти, – ты должен учитывать, что Катя – очень неприспособленный к жизни человек. Клара, она и сама многого достигнет. Она всегда была очень независимой, а Кате нужна поддержка.

– Да, Клара независимая, самостоятельная, вся в меня! – в голосе Юрия Владимировича звучала гордость. – И, если уж она полюбила профессора, значит, тому и бывать. Ну и что, пусть будет профессор, это не картёжник какой-нибудь, – Юрий Владимирович намекнул на прошлую связь Кати с шулером. – Леонид – прекрасный парень, с головой!

– Хм, – презрительно фыркнула Вера Станиславовна, – какой же он парень! Да у него, наверное, море сожителей было. Ему уж ведь сколько лет! Он младше меня всего на десять лет!

– Да хоть бы и старше был тебя на десять лет. Чего ты его к себе-то примеряешь? Мужик он толковый, а главное, любят они друг друга, – твёрдо, даже с некоторым нажимом в голосе ответил муж.

– Любят! Да какая может быть любовь к нищему человеку? Жить на пятьдесят долларов в месяц и радоваться этому – это же моральное уродство. А как детей они будут воспитывать? На что кормить, учить их будут? Вот увидишь, что останется от их любви, любовь, тоже мне! – Вера Станиславовна обиженно надула губы и отвернула лицо от мужа.

– Вера, – мягко заговорил Юрий Владимирович, – ну ты это зря. Я понимаю, ты волнуешься, заботишься о Кларе...

– Юр, – обрадованная мягкостью тона мужа, снова пустилась в атаку Вера Станиславовна, – ну ты увидишь, как она уже через год жизни с ним приползёт к нам просить денег.

– Я этого не допущу! – твёрдо заявил Юрий Владимирович, отставляя чашку с блюдцем от себя.

Вера Станиславовна обрадовалась этим словам, но преждевременно: последующие его слова очень расстроили её.

– Как это понимать – «она приползёт»? Клара не тот человек, кто ползает. Уж если ей и понадобится помощь, то она придёт, к родному отцу придёт! Да я и не допущу, чтоб она или её дети – наши внуки – нуждались! Кстати, я тебе уже говорил, я хочу при своей жизни обеспечить дочерей, чтоб при мне они жили, как королевы, а не ждали моей смерти, чтоб получить наследство.

Вера Станиславовна вспыхнула и даже заёрзала на стуле.

– Ты опять за своё! Да мы и сами с тобой ещё поживём, ты что, старый старик, что ли?

– Да, конечно, поживём, – думая о чём-то своём, ответил Юрий Владимирович.

– Юр, ну я же о другом... Всё равно они будут испытывать неудобство. Ты же видел, этот профессор такой гордый.

– А что, гордость теперь является пороком? Вера, не мешай Кларе, не путайся! Леонид – большой умница, голова, человек, отмеченный Богом! – и, увидев в глазах жены иронию, Юрий Владимирович добавил с нажимом в голосе: – Это я тебе говорю.

Особое ударение Юрий Владимирович сделал на местоимении «я», что всегда означало, что больше спорить на эту тему он не намерен и не будет.

– Я спокоен за Клару, – уже смягчив голос и выдвигая из-за стола ногу, для того чтобы встать и уйти, заговорил Юрий Владимирович. – Больше меня сейчас беспокоит Катя.

Но уже через два месяца с небольшим, сидя за тем же столом, Юрий Владимирович с тревогой в голосе говорил другое:

– Меня очень беспокоит Клара. Кому она могла помешать?

– Не знаю, – ответила Вера Станиславовна. Весь её облик тоже выражал тревогу. – Кому это понадобилось? Неужели наша Кларочка впуталась в какие-то грязные дела? Боже, ведь она могла погибнуть! Может, ей пока переехать жить к нам?

– Не хочет, я ей предлагал, – потирая лицо прижатыми друг к другу ладонями, ответил муж.

«Не спросив даже меня», – больно кольнуло в сознании Веры Станиславовны.

– Она переезжает завтра к Леониду, – продолжал Юрий Владимирович.

– До свадьбы? – возмутилась Вера Станиславовна, но тут же, вспомнив, что ещё два месяца назад у Кати жил шулер, который и жениться на ней не собирался, осеклась и сразу, сократив паузу до минимума, как она часто делала в тех случаях, когда хотела «стереть» из памяти собеседника сказанное, задала следующий вопрос: – Ну а сама-то Клара что говорит? Она кого-нибудь подозревает?

– Нет, никого. Она думает, что это либо случайность, либо её спутали с кем-нибудь.

– Да с кем её можно спутать, разве что только с Катей, – говоря последние слова, Вера Станиславовна заметно побледнела. – Боже, да уж не Катю ли хотели убить? Надо ей сказать, пусть пока не ездит к Кларе.

Вера Станиславовна с неожиданной для её возраста прыткостью ринулась к телефону.

У дома, в котором жила Клара, не было мусорных бачков, не было в доме и мусоропровода, а дважды в день, утром и вечером, приезжала специальная машина, в которой увозился мусор. Жильцы выходили в назначенное время с мусорными мешками и скидывали их прямо в специально приспособленный для этого кузов машины. В этот вечер, как обычно, Клара, выкинув мусор, спешно возвращалась домой, но вдруг недалеко от своего подъезда увидела на дороге маленького, совершенно беспомощного пятнистого котёнка. Котёнок молча жался к асфальту, беспомощно поводя головкой, и было странно, что до сих пор остался никем не задавлен. Не раздумывая, Клара наклонилась к нему, и в этот миг что-то быстро пронеслось над её головой, разрывая движением воздух. Поднявшись с котёнком в рост, Клара повернула голову по направлению движения предмета и увидела нож, глубоко вонзившийся острым концом лезвия в ствол дерева. На чёрной рукоятке ножа была красная рубиновая инкрустация в виде капли крови. Не успев напугаться, Клара бросила взгляд в ту сторону, откуда предположительно летел нож, и увидела, что за деревом кто-то прячется. Несколько секунд Клара подождала, но человек не выходил, таился – значит, у него на то были основания. Клару охватил необъяснимый страх, и она быстро двинулась, догоняя соседку из своего подъезда. Вернувшись в квартиру, Клара подошла к окну, чтобы с третьего этажа рассмотреть прячущегося человека, но никого подозрительного не увидела. Жильцы мирно расходились по своим

подъездам; водитель мусороперевозчика дядя Паша закрывал люк; шага два не доходя до того места, где Клара подобрала котёнка, стояли две пожилые женщины и о чём-то мирно разговаривали. Страх, охвативший Клару, прошёл, но волнение не проходило. «Так близко пролетел. Кажется, даже шаркнул по волосам. Кто-то забавляется ножами?» Не зная, что думать, Клара позвонила Леониду. Леонид молча выслушал её и сказал:

– Я сейчас приеду, а ты позвони прямо сейчас в милицию.

– В милицию? А что я им скажу?

– То же, что и мне.

Клара и Леонид ещё немного попререкались: Клара просила его не волноваться, в милицию звонить отказывалась, а он увещевал и настаивал.

Дежурный милиции долго не поднимал трубку, а когда поднял, с раздражением ответил:

– Гражданочка, позвоните по этому вопросу своему участковому.

– Я не знаю его номера. Да и навряд ли в это время он работает.

– Тэк, где вы живёте?

Клара назвала свой адрес.

– Ваш работает, – с насмешливой интонацией в голосе ответил дежурный. – Минутку.

Минут через пять дежурный назвал номер участкового. Клара нехотя набрала номер и рассказала, что произошло. Участковый Чернышёв Глеб Борисович – так он представился Кларе – прибыл через пятнадцать минут.

– Так, значит, он спас вас от смерти? – спросил участковый, теребя указательным пальцем шерстку котёнка. – Как вы его назвали?

– Пока ещё никак.

– Вот думаю, – сказал участковый, беря котёнка в руки, – если это мужичок, назовите его Спасом, а если это самочка... Это мужичок, – прервал сам себя Глеб Борисович. – Да больно крохотный. Вы его оберните чем-нибудь шерстяным, да лучше б его в коробочку. А ножа, я шёл, в дереве уже не было. Так вы говорите, какой он был?

Клара рассказала.

– Значит, капелька красная из рубина. Она сверху, что ли, налеплена?

– Нет, она инкрустирована, то есть находится в самой ручке.

– И не выпуклая?

– Нет, кажется, нет. Извините, я точно не помню. Но нож красивый такой.

Едва перешагнув порог, Леонид обхватил Клару за плечи и, тревожно заглядывая ей в глаза, спросил:

– Как ты?

Клара повела плечом.

– Нормально, я же сказала, что со мной всё в порядке.

Леонид порывисто обнял девушку, с неожиданным хрипом выдавливая её имя. Клара на мгновение рассмотрела выражение лица любимого, и в памяти её неожиданно всплыла картина из раннего детства: такое же, почти такое же выражение лица её матери, и тоже объятия, и тоже вопрос: «Ты не ушиблась?» Клара вспомнила: на ней в тот день были новые красные башмачки с ещё не разношенными твёрдыми скользкими подошвами. Она была уже почти на середине металлической игровой лесенки, когда башмачок скользнул по металлу, и нога сорвалась.

Объятия Леонида продлились дольше обычных приветственных объятий. Тогда давно объятия мамы были тоже дольше обычных. Нарочитое покашливание инспектора заставило Леонида и Клару обратить на него внимание.

Мужчины познакомились, поговорили о ноже, о котёнке, о вероятности того, что бросить нож вполне мог мальчишка-хулиган, а потом, испугавшись, убежал. Глеб Борисович сделал в своём блокноте какие-то записи и, похоже, посчитал нужным завершить свой визит, но Леонид задержал его.

– Глеб Борисович, – обратился он к участковому тоном человека, ищущего поддержки, – я думаю, Кларе небезопасно оставаться жить здесь. Будет лучше, если она переедет ко мне.

Глеб Борисович внимательно посмотрел на Леонида и молча закивал головой в знак согласия. Он сделал пять кивков, потом обернулся к Кларе. Клара хотела сказать что-то явно протестующее, но Глеб Борисович опередил:

– Да, – твёрдо сказал он, – думаю, лучше вам, Клара Юрьевна, переехать жить к товарищу Измайлову, хотя бы на время.

Увидев молящий взгляд Леонида, Клара, обдумывающая слова участкового инспектора, неожиданно для себя уверенно сказала:

– Ну зачем переезжать временно, тогда уж на постоянно.

Леонид давно просил Клару переехать к нему, но Кларе хотелось сначала узаконить своё положение.

– А лучше – на постоянно, – подтвердил Глеб Борисович. – И лучше прямо сегодня же, – и, не давая ни Кларе, ни Леониду, обрадованному словами Клары, что-то сказать, как бы считая это дело решённым, он решительно обратился к Леониду: – Вы, Леонид Александрович, оставьте-ка мне свой адрес, телефоны. Вы далеко живёте?

Выяснив всё необходимое, инспектор ушёл. Сразу после его ухода Леонид схватил в объятия Клару, стал целовать её в губы, глаза, нос, щёки. При этом в промежутках между поцелуями с его уст с шёпотным шелестом и измученной хрипотцой слетали какие-то слова и зачем-то кружились, кружились по комнате. Среди кружения слов вдруг встал вопрос: «Ты звонила родителям?» Вопрос не плыл, стоял, просил ответа.

– Зачем? – испуганно спросила Клара. Ей не хотелось, чтоб кто-то ещё знал об этом, ведь, собственно, ничего не произошло, и ей не хотелось больше никого беспокоить.

– Не знаю, – пожал плечами Леонид, – но я считаю, что родителям надо сообщить.

– Лён, – укоризненно и в то же время с мольбой в голосе произнесла Клара, – ну зачем их беспокоить?

– Клара, думаю, что стоит им позвонить: вдруг в этом что-нибудь поймёт Юрий Владимирович.

– Ты думаешь?

– Не, я пока ничего не думаю, но считаю, что так будет лучше.

– Хорошо, – сдалась Клара, – поступай, как хочешь.

Леонид позвонил Юрию Владимировичу, рассказал о происшедшем.

– Это точно было покушение? – после некоторой паузы спросил Юрий Владимирович вдруг изменившимся голосом.

– Не известно.

– А в милицию вы сообщили?

– Да, у Клары был участковый.

К Юрию Владимировичу вернулся его голос.

– Участковый! – возмущился он и попросил передать трубку Кларе. Дочь он стал наставлять никуда не ходить и упрекать её в том, что сама всё делает по дому и отказывается от чужих услуг.

– Папа, ну не могу же я всё время сидеть дома. Я думаю, это было просто хулиганство.

– Мне не важно, кто убьёт мою дочь – просто хулиган или бандит. Я хочу, чтоб моя дочь была жива и здорова.

Юрий Владимирович, привыкший к тому, что всё в его жизни отлажено, предопределено, устойчиво, вдруг ощутил страшное волнение, вызванное сразу несколькими чувствами, первым из которых был страх, страх потерять дочку Кларочку, являвшуюся предметом его отцовской гордости и постоянным источником жизненной энергии. Нельзя сказать, что Клара будила в нём воспоминания о безвременно погибшей любимой жене: образ покойной был смутен и уже не привлекателен, но сама Клара с её ясным умом, с её изысканной красотой, с её сдержанной внутренней энергией возвышала отца и, вопреки хамству, окружающему Юрия Владимировича в жизни, держала его в рамках интеллигента, конечно в очень узком смысле этого понятия. Вторым неприятным чувством была злость, вызванная оскорблением, которое, как он считал, кто-то посмел нанести ему, покушаясь на его любимую дочку. Ну и, конечно же, в числе чувств, охвативших его, были и обида, и тревога, и какое-то ещё неопределённое чувство, которое рождается при мысли о возможной или произошедшей смерти близкого человека. Юрий Владимирович попросил Клару немедленно переехать жить к ним, но Клара отказалась и поведала отцу о своём решении переехать жить к Леониду.

Катя принимала у себя гостей – школьных подружек. Четыре девушки – Катя и три её гостьи – усаживались за красиво и богато сервированный стол, когда зазвонил телефон.

– Мама, перезвони, у меня гости, – заявила Катя в телефонную трубку и уже сделала короткий жест, чтоб опустить её на рычаг, но задержала у уха. По-видимому, то, что ей говорили, было очень важно и очень встревожило её. Вдруг она вся насторожилась, прикусила нижнюю губу, как часто делала, когда её в школе отчитывали за что-нибудь, и с трубкой в руках почти упала в кресло, стоявшее рядом. Звонила Вера Станиславовна.

– Катя, я звоню тебе уже пятый раз, где ты была? Почему у тебя отключен мобильный? Ты знаешь, что в Клару стреляли?

– Стреляли? – удивилась Катя. – Как это? Кто?

– Ой, не стреляли, а бросили в неё ножом, хотели убить, наверное, перепутали с кем-нибудь.

– Хотели убить? Когда? Как она? С ней всё в порядке?

– Да-да, не волнуйся, она цела и невредима. Нож пролетел мимо, не знаю, правда ли это, но говорят, он пролетел очень близко, и если б не случайность...

– Какая случайность?

– Она как раз наклонилась котёнка подобрать. Ты же знаешь, какая она у нас жалостливая, она и в детстве-то всякую дрянь в дом тащила.

– Боже! А кто нож-то кидал?

– Не известно, человек какой-то из-за дерева.

– Она видела его? Запомнила?

– Не знаю, кажется, видела. Ты, Катя, не ходи к ней, я боюсь, может, это вас перепутали.

– Мама, ты в своём уме? Ты хочешь сказать, что хотели убить меня?! Да кому это нужно!

– Катёночек, успокойся, я просто хотела сказать, что вас могут перепутать, ведь вы похожи, и вместо неё нечаянно убить тебя.

– Мама, какая чушь! А ты уверена, что Клару хотели убить? Да кому это нужно! А потом, сейчас убивают другими способами: стреляют, устраивают аварии, поджоги – ну не ножом же! Это просто бред!

– Да, да, но ты держись от неё подальше, тем более что она переезжает, а может, уже переехала жить к своему профессору.

– Да? Пожалуй, это правильно. Ну ладно, мам, я тебе ещё перезвоню. Пока.

Измайлов Леонид Алексеевич жил в доме, напротив которого находилось здание службы налоговой полиции, в которой работала Клара. Уже неоднократно Леонид просил Клару пере-

ехать к нему, но Клара отказывалась, желая сначала сочетаться с ним законным браком. И всё же, невзирая на то, что планы нарушились и причина её переезда была не радостной, своему переезду Клара была рада, ведь теперь она могла каждый день быть со своим Лёней, знать, как он, что, быть уверенной, что с ним всё в порядке. Ничего глобально не меняя, умелыми лёгкими штрихами Клара внесла в жильё Леонида мягкость и уютность. Котёнок, названный по совету участкового милиционера Спасом, придал жилью Клары и Леонида особую домашность.

Соседки Леонида по лестничной площадке – пенсионерка Нона Ивановна и бывшая его одноклассница Татьяна, знавшие Клару и раньше, – ничуть не удивились её переезду, но отнеслись к этому по-разному: Нона Ивановна, обрадованная появлением новой соседки, выказывала Кларе своё расположение, с радостью вступала с ней в разговоры, была приветлива, учтива; Татьяна, как и раньше, до переезда Клары, оставалась к ней суха и неприветлива. Но Кларе, знавшей от Ноны Ивановны, что Татьяна любит Леонида, были понятны чувства Татьяны, и она старалась как-то оправдать неприветливость соседки.

На работу Клара выходила за пять минут до начала рабочего дня, ведь теперь, чтобы попасть на работу, ей надо было только пересечь двор. Проверая, всё ли в порядке, Клара по привычке заглянула на кухню, пробежала взглядом по выключателям ванной и туалетной комнат, послала Спасу воздушный поцелуй и вышла из квартиры. Лифт спустился с верхних этажей и приглашающе открылся, представляя взору Клары молодую женщину, скрывающую за маской равнодушия раздражение, вызванное прерыванием хода лифта. «Наверное, очень торопится», – подумала Клара о попутчице, приветствуя её. Женщина невыразительно ответила на приветствие Клары и стала теснить её, протискиваясь к выходу. Похоже, она действительно очень спешила. Как только дверцы лифта открылись, она нетерпеливым рывком выскочила из кабинки лифта, громко стуча каблуками, сбежала по лестнице и устремилась на улицу. Шедшая сзади Клара видела, как женщина, устремлённая вперёд, вдруг как-то неестественно остановилась, отшатнулась назад и рухнула на грязный бетонный пол между входными дверями. Голова её оказалась в подъезде. Клара, инстинктивно кинувшаяся ей на помощь, увидела нож, вонзённый в белую шею женщины, алую полоску крови, стекающую на бежевый воротничок её блузки, и её широко раскрытые глаза, взгляд которых был устремлён в пыльный потолок подъезда. Чужой, неподвластный Кларе, страшный, некрасивый надорванный вопль вырвался из её груди, ноги её стали ватными, и она инстинктивно прижалась к пыльной стене.

– Месяц назад в Бычкову Клару Юрьевну, проживающую тогда по адресу её регистрации, кидали точно таким же ножом, – докладывал майор Чередков на вечернем заседании следственной группы. – Её тогда спас случай: на дороге она увидела котёнка, нагнулась, чтоб его поднять, и нож пролетел мимо. По её описанию нож выглядел точно так же, как этот, – Александр Иванович кивнул на нож с инкрустацией, лежащий на столе. – Она утверждает, что за деревом в тот день видела человека, но описать его не может.

- Ну, сказать, кто это, женщина или мужчина, она может? – спросил полковник Стасов.
- Думает, что мужчина среднего роста.
- Ну а как хоть одет? – продолжал задавать вопросы полковник.
- Во что-то темное.
- Брюнет, блондин? – начиная раздражаться, спросил Стасов.
- Не разглядела она. Была очень напугана. Схватила котенка и убежала.
- А нож все-таки разглядела? – с явным подозрением в голосе спросил Стасов.
- Да, она его описала, он выглядел точно...
- А может, это она под впечатлением этого убийства?

– Нет, – вмешался капитан Рублёв. – Я...
– Ваша очередь ещё не дошла, – остановил его Стасов. – У вас всё? – строго спросил он майора.

– Я ещё хотел сказать, – испытывая неловкость, нерешительно заговорил Чередков, – что Бычкова Клара Юрьевна – капитан налоговой полиции. Сейчас она проводит проверку финансовой деятельности фирмы «ТАХО», занимающейся посредническими операциями. Результаты проверки нельзя назвать положительными.

– Яснее, Чередков, – потребовал полковник. – Там что, хищение?

– Нет, сокрытие налогов.

– На большую сумму?

– Да, похоже, сумма немаленькая.

– А точнее?

– Это ещё устанавливается.

Полковник нервно поморщился и снова спросил:

– У вас всё?

– Да, – ответил Александр Иванович.

– Везучая дамочка, – заметил Стасов. – Сначала котенок, теперь это. А что у вас? – обернулся он к капитану Рублёву.

– Я говорил с участковым, где раньше проживала Бычкова. Участковый Чернышёв Глеб Борисович семнадцатого июня был вызван Бычковой Klarой Юрьевной. Ножа в дереве, где его видела Клара Юрьевна, не было, но на дереве оставался свежий след. Описание ножа, сделанное Klarой Юрьевной, участковый Чернышёв записал в своём блокноте. Я снял копию с этого листа. Вот она, я зачитаю.

– Не надо, – прервал Стасов. – Дальше!

– Девятнадцатого июня Чернышёвым Глебом Борисовичем описанный нож был обнаружен у некоего Киркорова Антона Карловича, куда он был вызван его соседкой по коммуналке.

– Фамилия! – потребовал Стасов. Он требовал от подчиненных «точности, аккуратности и грамотного юридического языка». Капитан заглянул в записи.

– Кобзон Софья Лазаревна.

Сидящие за столом майор Чередков и капитан Кудинов прыснули.

– Кобзон? Я не ослышался? – строго спросил полковник.

– Так точно, – чётко ответил капитан Рублёв, – Кобзон Софья Лазаревна.

– Ну, и что не поделили Киркоров с Кобзоном? – явно испытывая удовольствие от удавшейся шутки, спросил полковник.

– Пьяный Киркоров уснул в ванной с открытым краном. Ванная переполнилась, и вода пошла через край. На стук Софьи Лазаревны Киркоров не отозвался, и она вызвала участкового.

– Так, – нетерпеливо прервал полковник. – А нож?

– Нож был в комнате Киркорова, воткнут в буханку хлеба. Он...

– Откуда он у него? – прервал Стасов.

– Киркоров объясняет, что нашёл его на улице. Шёл вечером и увидел его в дереве. Нож был ничей, он его и унёс домой.

– Когда? Дата совпадает?

– Точно Киркоров дату не помнит, но, похоже, он говорит правду.

– Похоже! Сколько раз вас учить: в нашей работе не должно быть неточностей типа «вроде», «похоже», «может».

– То есть мы даже не можем строить версии? – спросил медным голосом капитан Кудинов.

– Стройте, Андрей Владимирович, – не глядя на капитана, ответил Стасов. – Но вы должны опираться на факты, а не на какие-то там «похоже». Вам понятно, капитан Кудинов?

– Если бы были известны все факты, наша работа потеряла бы всякий смысл, — ответил Андрей Владимирович. Полковник Стасов оставил эти слова капитана без ответа и вновь обратился к Рублёву:

– Что у вас ещё?

– Я думаю, в обоих случаях действовал один и тот же человек. Вероятно, ножи из одной коллекции.

– Капитан Рублёв, думать будете потом, – раздражение полковника росло. – Сначала мы должны всех выслушать, узнать все факты, а потом уж будем высказывать свои мнения и суждения. У нас ещё не высказывался капитан Кудинов. Капитан, вам есть что доложить?

Капитан Кудинов спрятал ухмылку и начал:

– Я проверил: возлюбленный Клары Юрьевны, профессор Измайлов Леонид Алексеевич в первый раз при покушении на Клару Юрьевну был в лаборатории, там он и принял звонок от неё.

Полковник Стасов поморщился. «Принял звонок, ну прямо как заказ. Нельзя, что ли, выразиться попроще? Всегда этот Кудинов выпендривается», – подумал он, а вслух сказал:

– Но нас больше интересует второй случай.

– Сегодня он тоже был в институте, но подтвердить это пока никто не может. Бычкова не сразу ему позвонила, а где-то через час-полтора, в это время он был на кафедре. Но за час можно от дома добраться до института.

– А что, у него есть причина её убить?

– Не знаю. Сестра Клары Юрьевны Екатерина Юрьевна оба раза имела алиби. Семнадцатого июня она принимала у себя гостей – своих школьных подружек, а сегодня она была с друзьями в Суздале.

– Фамилии всех друзей установлены?

– Да. Могу перечислить.

– Не надо. А с чего это вы начали проверять алиби её сестры? Вы б ещё алиби и отца с матерью проверили.

– Проверил, – спокойно ответил Андрей Владимирович. – Оба раза отец Клары Юрьевны находился в офисе своей фирмы, он проводит там много времени. Это подтверждают охранники, – капитан назвал их фамилии, имена и отчества, – управляющий, – назвал и его, – уборщица, – назвал. – Жена Юрия Владимировича, мачеха Клары Юрьевны, алиби не имеет. Оба раза была дома, вчера во время покушения спала.

– Мачеха? Её отец женат второй раз? А что с первой женой?

– Умерла, когда первой дочери – Кларе – было года два. Вторая дочь родилась во втором браке.

– Понятно. А кого вы ещё проверяли? Соседей не забыли?

Кудинов невозмутимо отвечал:

– Одна соседка по лестничной площадке, пенсионерка Чижова Нона Ивановна, в момент покушения сегодня была дома, она сразу вышла на крик. А вот вторая соседка по площадке, Барышева Татьяна Владимировна из квартиры номер сто десять, в эти утренние часы прогуливалась.

На последнем слове капитан сделал ударение и, зная, что полковник сейчас перебьёт его вопросом, замолчал.

Полковник не заставил ждать:

– Прогуливалась? Она что, собаку выгуливала?

– Нет, собаки у неё нет. По её словам, она просто гуляла.

– Понятно. А ещё кого вы проверили? Алиби соседей по прежнему адресу Бычковой вас не интересовало?

– Интересовало, – всё так же ровно отвечал Кудинов, – но их проверить я не успел.

«Сука, издевается», – подумал Стасов, а вслух спросил:

– У вас всё? – Получив от капитана утвердительный ответ, полковник, сидя на месте, сцепил пальцы рук, сгруппировался, сделал глубокий вдох, задержал его ненадолго, шумно выдохнул и, глядя по сторонам, но ни на кого конкретно, заговорил:

– Итак, что мы имеем. Некто вот уже второй раз пытается убить Бычкову Клару Юрьевну, причём способ убийства выбран нестандартный, я бы даже сказал, оригинальный. Вот сейчас, – полковник обратился к капитану Рублёву, – можете строить свои версии, причём самые абсурдные. Что вы думаете, капитан Рублёв?

– Во-первых, очевидно, что убийца не является профессиональным убийцей-наёмником, так как допустил уже два промаха. У него шалят нервы. Сегодня он бросил нож в женщину, даже не успев её рассмотреть как следует.

– Это вы правильно заметили, это и дураку ясно. А что вы скажете о ножах?

– Вероятно, убийца располагает набором таких ножей. Думаю, следующее покушение будет совершено таким же ножом.

– Следующее покушение? Вы думаете...

– Да, я уверен, убийца повторит покушение, ведь ему уже наверняка известно, что убита другая. Ножи же, с моей точки зрения, являются произведением искусства. Я не разбираюсь в этом, но думаю, это старинные изделия.

– Отдайте нож на экспертизу, – распорядился полковник.

– Показания экспертизы вам известны, – напомнил майор Чередков, – убийца действовал в перчатках.

– Я о другой экспертизе, – полковник раздражённо поморщился, – ножи надо показать искусствоведам.

– Я передал первый нож антиквару Флоренскому, – сказал майор, – он обещал показать его знающим людям, разузнать что-нибудь по своим каналам. А вообще я думаю, что Бычкову, может, и не хотели убивать, а просто пугают. Может, это кто-то от фирмы «ТАХО». Она говорила, что в прошлом году, когда она проверяла другую фирму, ей тоже угрожали, звонили.

– И что, угрозу не исполнили?

– Нет, просто пугали. Может, и сейчас пугают.

– Ваши соображения, капитан Кудинов? – неожиданно резко обратился полковник к Андрею Владимировичу.

– Я допускаю все предложенные версии. Будем работать, товарищ полковник.

– Хорошо. Вы, майор Чередков, займитесь фирмой. Вы, – полковник обратился к капитану Рублёву, – займитесь ножами, хотя ножами у нас уже занялся майор. Когда вам обещали дать результат? – обратился он к майору Чередкову.

– Да особо ничего не обещали, – майор неопределённо пожал плечами. – Когда получится, может, завтра, а может, послезавтра.

– Понятно. Вы, капитан Рублёв, займитесь ножами и метателями ножей. Странно, что никто из вас не обратил внимания на то, что метание ножей тоже требует определённого навыка, я бы даже сказал, профессионализма. Сейчас стрелять умеют почти все, а метать ножи редко кто.

– Думаю, на это мы все обратили внимание, – с нажимом в голосе сказал капитан Кудинов. – Я договорился завтра встретиться с директором цирка Шакурой Денисом Петровичем.

– И молчите?

– Вы же сами всегда требуете докладывать только результат.

– Хорошо, – отворачиваясь от Кудинова как от чего-то очень неприятного, зло и даже с нотками угрозы, прозвучавшими в этом коротком слове, ответил полковник и тут же scomандовал капитану Рублёву: – За вами ножи и метатели ножей, вы завтра встретитесь с директором цирка. А вы, капитан Кудинов, – всё ещё не оборачиваясь к Андрею Владимировичу, с упрёком и обвинительными нотками в голосе, зло прищурился, обратился полковник к Андрею Владимировичу, – вы, – тут он сделал паузу, видимо что-то обдумывая, потом медленно обернулся к капитану, – вы у нас хорошо поработали с родителями, сёстрами, соседями. Проверьте соседей по прежнему адресу и, главное, проверьте покойную: может, как раз её и собирались убить, а не какую-то там Бычкову, а Бычкова – это для очковтирательства. Ну, всё. Всем спасибо, все свободны.

Полковник Стасов Пётр Данилович имел прозвище Новичок, хотя новичком давно не был. В управлении он работал уже второй год, и после него туда поступило ещё два человека, но прозвище крепко приклеилось к нему, наверное, потому, что сразу по пришествии он объявил своим подчинённым, что теперь они будут работать по-новому. Хотя в действительности он сам признавал и часто жаловался на то, что до сих пор не может своих подчинённых приучить работать по-новому, слишком много в их работе было самостоятельности, отклонений от устанавливаемых им правил. Всё в отделе было очень по-домашнему: называли друг друга сотрудники по именам, а то и вообще не пойми как; обменивались информацией на ходу, не дожидаясь совещаний; к нему, Петру Даниловичу, своему непосредственному начальнику, относились неправильно. Не было в их отношении подобострастия, и даже вроде наоборот, скользила усмешка и снисходительность. Особенно среди других своим насмешливым поведением отличался капитан Кудинов.

Полковник сидел за своим столом, положив на него тяжёлые руки со сплетёнными в замок пальцами. Взгляд его зло упирался в краешек потёртого голубого манжета рубашки. «Ну что она мне подсунула? – думал он о жене. – Эту рубашку пора уже на дачу отвезти. А эта сволочь, – тут его мысли снова перескочили на Кудинова, – всегда из меня дурака хочет сделать. Видите ли, он уже договорился о встрече с директором цирка. Я ж ещё не приказывал, вечно он выскочка, и Чередков туда же: он нож отдал приятелю, а кто разрешал?». Петра Даниловича душила обида, ему хотелось, чтоб всё исходило от него и чтоб его подчинённые делали строго то, что он им велел, а не то, что им вздумается. Их дело – выполнять его приказы и докладывать о выполнении.

Павлу не нравилось всё это. Не думал он, что так всё получится. Думал быстро сделать дело, заработать три тысячи долларов и на них начать своё дело. А тут такое – две осечки! Дамочка-то прямо как заколдованная. «Ничего, – успокаивал себя Павел, – третьей осечки не будет».

Ножи метать Павел научился у своего деда Павла Евграфовича Зипунова. Был когда-то Павел Евграфович артистом цирка, метателем ножей, а ассистировала ему его жена – бабушка Павла Белла Николаевна. За четырнадцать лет работы на арене ни разу дед Павла не промахнулся, ни разу не ранил ассистентку. Все четырнадцать лет работал Павел Евграфович одними и теми же ножами, доставшимися ему от его отца, тоже метателя ножей, народного артиста Евграфа Пантелеймоновича Зипунова. Ножи, доставшиеся Павлу, двадцать четыре штуки в большом кожаном футляре, подарил артисту тогдашний вождь Сталин Иосиф Виссарионович. Глянул Сталину Зипунов: меток, как горец, почтителен, как истинный гражданин, а главное, как хороша его юная жена-ассистентка Тося. Дважды Зипуновых приглашали выступать в узком кругу приближённых к вождю людей, а на третий раз Сталин сам заехал в цирк, в присутствии всей труппы одарил Евграфа Пантелеймоновича набором ножей и увёз с собой Тосю одну, без мужа-артиста. Об этом в семье Зипуновых обычно умалчивали, но с гордостью

вспоминали о подарке самого Вождя народов. Ножи в наборе были все с рукоятками из чёрного камня с рубиновой инкрустацией в виде капли крови. Они были уложены в чёрный кожаный футляр, состоящий из трёх ячеек, в каждой из которых помещалось по ящичку, обшитому чёрным бархатом, куда и укладывались ножи в количестве четырех, пяти и пятнадцати – это ровно столько, сколько требовалось для показа любимого номера Сталина.

Два года назад после смерти Павла Евграфовича бабушка на поминках мужа передала ножи внуку – пятнадцатилетнему Павлику – и наказала беречь их. «Эти ножи, – сказала бабушка, – очень дороги, они принесли богатство твоему прадеду, твоему деду; и тебе, Павлуша, они, даст Бог, помогут добыть свой капитал». Павел уверовал в эти слова и, возможно, потому с легкостью принял предложение убрать дамочку. Насмотревшись боевиков, начитавшись детективов, наигравшись в кровавые компьютерные игры, он стал воспринимать убийство как обычное дело, в его сознании не промелькнуло ни одной мысли из раскольниковских терзаний. Вот и сейчас он совсем не переживал о загубленной жизни – он переживал о сорвавшемся куше, о потере времени и вот уже о втором потерянном ноже. Но у Павла было успокоение (утешение): в ящичке их четыре, два ушло, придется еще один пустить в дело, останется один. Что ж, надо его продать, чего он останется в коробке один, ни то ни сё. Главное, не продешевить. «Сколько за него попросить? – думал Павел. – Долларов пятьдесят, сто?» Продав Павел свой нож за сто пятьдесят долларов. Ему с легкостью дали больше, чем он предполагал просить, но настроение его не улучшилось: ему казалось, что он продешевил. Раз дали сто пятьдесят долларов с такой легкостью, значит, он им нужен, значит, купили бы и дороже, надо было торговаться.

– Я думаю, – говорила Катя, играя своей туфелькой на ноге, – это какой-то маньяк, ну, или по крайней мере человек с ненормальной психикой. Ножи в двадцать первом веке! Да ещё смотрите, они же одинаковые, с какой-то зловещей символикой. Я не представляю, кто это может быть. Может, кто-то из тех, кого она прижала по долгу службы. Знаете, ведь Клара у нас такая принципиальная, ну просто жуть! С ней и в детстве-то нельзя было ни о чём договориться. Она просто идеалистка.

– И многих она прижала?

– Да уж думаю, многим кровь попортила.

«Не любит она свою сестру, – думал капитан о Кате. – А ведь она тоже может быть убийцей. Причина – наследство. То, что Юрий Владимирович имеет официально, – это только цветочки. Наверное, неофициальная часть куда более интересна».

– Вам налить ещё кофе? – спросила Катя Андрея.

– Нет, спасибо.

– Ну а ещё я думаю, может, это из-за ревности. Вы видели соседку Леонида Алексеевича? Она же смотрит зверем не только на Клару, но даже на меня. Говорят, она очень влюблена в Леонида.

– Простите, а кто говорит?

– Ну, не знаю, – Катя неопределённо двинула плечом. – Клара как-то мне сказала. Я спросила её, что это соседка из квартиры напротив смотрит на меня зверем, Клара и объяснила мне. И соседка их по лестничной площадке мне это говорила... Хотя я думаю, навряд ли это она, скорее всего, это кто-то из числа её жертв.

– Жертв?

– Ну, я имею в виду из числа тех, кого Клара задушила своими проверками. Я вообще удивляюсь, что она всё ещё цела, ведь, как правило, большинство преступлений совершается из-за денег.

– Как вы думаете, Екатерина Юрьевна, а из-за наследства можно совершить преступление?

– Хм. Если наследство того стоит, то можно.

– Вы с Кларой Юрьевной тоже являетесь наследницами вашего отца.

– Ха-ха-ха! Да не смешите, какое наследство. Хотя, если подумать... – Катя красиво задрала головку, что-то прикидывая в уме. – Пожалуй, вы правы: мы с Кларой после отца остаёмся наследницами его дачи, машины, бензоколонки. Для некоторых это невообразимое богатство. К примеру, насколько мне известно, Леонид Алексеевич получает жалкие гроши.

«А ведь она перечислила малую долю того, что им должно остаться в наследство, – думал Андрей, рассматривая красивую ухоженную девушку. – У неё алиби, но ведь она могла нанять убийцу, не самой же метать ножи. Но почему ножи? Наёмному убийце проще было устроить своей жертве автокатастрофу, застрелить её или даже просто в тёмном углу зарезать её всё тем же ножом. Нелогично как-то. Маньякизм какой-то. Интересно, а что за мужчины окружают эту Екатерину?» Андрей озвучил свой вопрос, придав ему чуть иную форму:

– Простите, а у вас есть мужчина, ну, я хотел спросить, жених?

Катя снисходительно улыбнулась, в глазах её появилась игривость, и с этой игривостью на лице она спросила:

– А я очень похожа на женщину, которая обходится без мужчин?

– Нет, вы совсем не похожи на такую, но я имел в виду другое. Есть ли у вас намерение с кем-то соединить свою судьбу?

Катя тихонько рассмеялась:

– Намерение есть, но я ещё не определилась с кем и когда.

«Да уж, эта не будет готовить мужу борщи», – думал Андрей о Кате, любуясь ею. Катя была одета в безрукавное тёмно-синее платье с фасонным воротником, размерами, белыми полосками и белым галстучком напоминающим матросский. Волосы её были аккуратно собраны в пучок, закреплённый белой заколкой. Её домашний вид совсем не был «домашним» в распространённом смысле этого слова; о домашности напоминали только комнатные туфли-шлёпанцы, которые как будто специально были по цвету подобраны к платью девушки. Обстановка квартиры Кати говорила о финансовых возможностях хозяйки и о хорошей работе дизайнеров. Андрей отметил умелое распоряжение цветом, светом, отсутствие ненужных вещей, которые, как правило, попадают в квартиру случайно и захламляют её. Все вещи в квартире Кати были на месте, все дополняли друг друга, были в гармонии друг с другом и все были недешёвые.

«Сюда, пожалуй, не заскочишь, – думал Андрей, недоброжелательно прикидывая в мыслях тех, кто, по его мнению, мог бы сюда заскочить. – Убрана квартирка хорошо, уж не этой же барышней – наверное, держит прислугу. Где же она берёт деньги?»

– Екатерина Юрьевна, извините, я задам вам бестактный вопрос – впрочем, все вопросы следователей бестактны – на какие средства вы живёте? Вас содержат родители?

– Нет, я б так не сказала. Они помогают мне. Но содержу я себя сама.

– Как вы зарабатываете?

– По-разному, переводами например.

Капитан заметил, что девушка ничуть не смутилась.

«Переводы стоят копейки, – думал Андрей, – надо же, как искусно врёт, ведь даже бровью не повела».

Катя в свою очередь поспешила сменить тему разговора:

– Не думаете же вы, что это я пыталась убить свою сестру?

Андрей молча продолжал рассматривать девушку. Это обидело Катю.

– Вы что, действительно меня подозреваете? – с негодованием спросила она.

– Подозревать – моя профессия, – ответил капитан и робко улыбнулся.

– Вы считаете себя профессионалом? – язвительно спросила Катя. – А может, вы просто путаете значения слов «профессия» и «работа»?

– Я их не путаю, – как можно спокойнее ответил капитан, – я их мешаю.

– По-моему, это непозволительная роскошь, – с нотками злобы и сарказма парировала девушка.

– Возможно, я переоцениваю себя...

Катя не дала капитану договорить, прервала его:

– Боюсь, что очень. Вы же понимаете, капитан, если б вы были профессионалом в общепринятом значении этого слова, убийце было бы уже предъявлено обвинение, а вы второй день опрашиваете самых близких людей Клары, в то время как очевидно, что убийца – какой-то маньяк, истерик или ещё чего-нибудь там, может, сектант какой, но ведь очевидно: у него ненормальная психика, – эти слова Катя произносила уже без злобы, без сарказма и даже, невзирая на их содержание, без упрёка. В её голосе слышалась просьба и чуть ли не мольба, как если б она просила капитана заняться поиском убийцы.

Внимательно выслушав девушку, Андрей спросил Катю:

– Вы сказали, отец, – Андрей нарочно заменил слово «родители» словом «отец», – помогает вам деньгами. Большими? Часто?

– Хм, – Катя возмущённо фыркнула. – Я отвечу «маленькими и редко», а, может, в вашем понимании это по-другому.

«Скорее всего, по-другому», – подумал Андрей, а Кате сказал:

– Вы скажите, как именно, а я уж сам определюсь.

– Что как именно? Как часто? – Катя даже не пыталась скрыть злобу. – Меня – когда попрошу.

– А часто просите?

– Андрей Владимирович, – впервые Катя обратилась к капитану по имени-отчеству, – к чему эти игры в кошки-мышки? Вы были достаточно убедительны, я поверила вам, я одна из подозреваемых, но надеюсь, – Катя обворожительно улыбнулась, – не единственная, а сейчас, мне кажется, мы теряем время. – Катя взглянула на большие настенные часы и, нарушая свою удобную позу, подалась в кресле вперёд. – Простите, мне пора собираться, у меня сегодня вечернее занятие.

– Вы учитесь?

Катя недобро ухмыльнулась.

– Я занимаюсь шейпингом.

Андрей подумал о своей Аннушке, которая не смогла позволить себе таких занятий из-за высокой платы.

– Спасибо, Екатерина Юрьевна, – поднимаясь с места, сказал Андрей. – Вы очень мне помогли.

– Да? – удивилась Катя. Ей хотелось спросить, чем же, но желание скорее выпроводить капитана взяло верх, и она молча последовала за ним, всем видом показывая намерение скорее проститься.

Татьяна Владимировна долго не открывала капитану Кудинову, а открыв дверь, неприветливо пригласила:

– Опять вы, входите.

В квартире Татьяны был порядок, но уюта в понимании Андрея Владимировича не было: ляпнистые обои в голубых тонах; окна, увешанные шторами из дорогой ткани песочного цвета, без тюлевых занавесок; мягкая мебель, покрытая пёстрыми покрывалами в зелёно-коричневых тонах; неустланный паркетный пол, причём в углу за шкафом стоял рулон ковролина, кажется, красного цвета; на стене над диваном в дорогой раме с лепниной висела репродукция картины –

лесной пейзаж. Лес на картине был нездоровым, с какими-то гниющими пнями на переднем плане, гнилым болотцем и старой вороной. Андрей отметил про себя, что эта картина воспринималась не как часть интерьера, а скорее было похоже, что здесь она была кем-то повешена по ошибке и забыта.

Постояв несколько секунд в комнате, Татьяна Владимировна развернулась и пошла в кухню. Андрей Владимирович последовал за ней. Кухня тоже была чистой, но и здесь Андрею не понравилось. На стене старый гляцевый календарь с изображением белых котят на голубом фоне, на старом холодильнике расписанный красными цветами самовар с позолотой, макраме из белых ниток, искусственные цветы в хрустальной вазе на столе, жёлтый чайник на плите, три разделочные доски, расписанные красными петухами по чёрному фону; другая кухонная утварь, зелёный диванчик, крытый красным пледом; жёлтый бра над ним – всё было в дисгармонии и говорило о скудном вкусе хозяйки. Татьяна и сама-то являла неприятное зрелище: она была обёрнута в красный махровый халат и обута в мягкие голубые тапочки с белой меховой опушкой. Сначала даже Андрей подумал, что она собралась в душ, но, судя по тому, как Татьяна основательно опустилась на табурет, по тому, как она достала из кармана халата сигареты, зажигалку, по свеженанесённому на лицо макияжу, а может быть, ещё почему-то, Андрей Владимирович догадался, что на девушке её повседневная домашняя одежда. Татьяна Владимировна, севшая, по-видимому, на своё любимое место – лицом к окну, указала Андрею место на табурете, приставленном к торцу стола, закурила, не предложив Андрею сигарету, достала из ящика стола чистую хрустальную пепельницу и, невзирая на то, что пепла на кончике сигареты ещё не было, грациозно постучала над ней по кончику сигареты длинным красивым пальчиком с идеальным маникюром. Сделав ещё две затяжки, она, наконец, обернулась к Андрею.

– Слушаю вас, – причём слова эти прозвучали без всякого участия, даже как-то отстранённо, с плохо скрытыми нотками упрёка и раздражения.

– Татьяна Владимировна, я сразу хочу извиниться перед вами...

– За что? – прервала его Татьяна. При этом левая бровь её поднялась, но заинтересованности в её взгляде не было. На лице женщины оставалась маска надменной пустоты.

– Я боюсь, мои вопросы будут вызывать у вас раздражение. Это обычное дело в нашей работе. И я хотел бы, чтоб вы правильно поняли меня, – внешне спокойно, но в действительности начиная немного раздражаться, ответил Андрей Владимирович.

– И вам нравится ваша работа? – в голосе девушки звучали нотки сарказма.

– Да, – твёрдо ответил Андрей. – В конечном итоге мы ловим преступников.

Татьяна отвернулась от Андрея к окну и отстранённо проговорила:

– А они всё гуляют и гуляют.

Они во власти, они в народе,

Вы их поймали, сказали вроде?

– Вы пишете стихи? – спросил Андрей для того, чтоб как-то наладить с девушкой отношения, но Татьяна, давая Андрею понять, что она не намерена тратить время на светские условности, проигнорировав его вопрос, задала свой:

– Так что я должна понять? – на этот раз в её взгляде был вопрос.

– Я хочу, чтоб вы поняли: задавая «дурацкие», как вы в прошлый раз их охарактеризовали, вопросы, я хочу прийти к истине.

– Я вам скажу её сразу: я не убивала гражданку Фролову. Я никого не убивала, – в голосе девушки звучала обида, раздражение и заносчивость.

– Скажите, а вы всегда имеете обыкновение прогуливаться в такие утренние часы? – нарочито не реагируя на раздражение Татьяны, ровным голосом задал свой вопрос капитан.

– Нет, обычно, если я не работаю, я в эти часы сплю, – почти не глядя на капитана, всё с тем же выражением лица, но уже более спокойно ответила Татьяна.

– А почему вчера вы пошли гулять?

– А вчера захотела гулять, – Татьяна, произнося эти слова, даже потрянула головой в знак упрямства. Ответ её звучал с вызовом, и за ним слышался упрёк и просьба не соваться в её дела.

– А может, вчера у вас была бессонница? – всё так же ровно спросил Андрей.

– Нет. Я встала по будильнику, – со злым нажимом в голосе, не развивая ответа, нарочно провоцируя следующий вопрос капитана, ответила девушка.

– То есть вы встали в определённое время?

– Да, я же сказала вам, я вчера проснулась с будильником.

– А что вчера? Вы просто решили погулять с утра? – задал Андрей ожидаемый Татьяной вопрос.

– Товарищ Кудинов, так вас, кажется... – девушка зло сверкнула зелёными глазами.

– Да, можно Андрей Владимирович.

– Товарищ Кудинов, я не собираюсь перед кем-либо отчитываться, что у меня было вчера. Я повторяю вам, я никого не убивала! – эти слова Татьяна произносила, зло глядя в глаза капитану, делая ударение на каждом слове и немного покачиваясь в такт каждому произнесённому слову.

«Истеричка, – думал о Татьяне Андрей, – чего упёрлась, с хахалем, каким, что ли, встречалась? Ладно, придётся зайти с другой стороны». Он заговорил мягко, даже чуть вкрадчиво:

– Татьяна Владимировна, я знал, что мои вопросы вас будут раздражать, но я ведь здесь для того, чтобы защитить вас.

– Защитить? От кого? – в голосе девушки всё ещё звучали злоба и возмущение.

– Вы не понимаете, что своим молчанием играете в игру убийцы. Я-то как раз верю, что вы не убивали, я в том более чем уверен, но факты... Факты говорят против вас. Вы – одна из подозреваемых.

– Я – подозреваемая? У вас факты? – почти закричала Татьяна, всем корпусом разворачиваясь к капитану. – Какие факты? Что вы несёте?

– Нам известно, – как можно более равнодушно заговорил Андрей, – что вы со школьной скамьи увлечены своим соседом, вашим бывшим одноклассником Измайловым Леонидом Алексеевичем. По показаниям свидетелей, вы испытываете неприязнь к его невесте Бычковой Кларе Юрьевне, а, как известно, убить пытались именно её, а не Фролову Надежду Яковлевну. Надежда Яковлевна оказалась лишь случайной жертвой. И нам известно, что вы, Татьяна Владимировна, по непонятной причине в час убийства где-то гуляли, тогда как в другие дни вы в это время спите. Самой вам это не кажется странным?

Андрей Владимирович говорил это и наблюдал за женщиной. Та, казалось, с каждым его словом всё более и более каменела лицом. Губы её поджались, рука с сигаретой чуть заметно задрожала. Выдержав паузу секунд тридцать, Татьяна спросила каменным голосом:

– Кто те свидетели?

– Какие свидетели? – догадываясь, кто интересуется Татьяну, всё же уточнил Андрей, единственно с тем, чтоб больше разговаривать Татьяну. Ему хотелось услышать от Татьяны, как она их назовёт, как охарактеризует, но, вопреки его представлению о том, что Татьяна сейчас сама как-нибудь нелестно отзовется о соседке и о Кате – сестре Клары, она просто ответила:

– Те, которые показали, что я испытываю неприязнь к Кларе... Юрьевне. Она очень даже симпатичная женщина. Вы знаете, это лжесвидетели. Я испытываю скорее зависть. Да, я не скрываю своих чувств к Леониду, но чтобы убить человека!

Татьяна встала, сделала порыв уйти, но вдруг снова села, только уже с другой стороны стола, лицом к Андрею.

– Поверьте, Андрей Владимирович, это чушь! Как в это можно верить! – теперь в голосе Татьяны звучало негодование. – А почему вы так уверены, что убить хотели именно Клару, а не Надежду?

– Убить Клару Юрьевну пытаются уже второй раз, первую попытку сделали примерно месяц назад в её дворе.

– Вот видите, а я же не знаю, где она жила!

– Так ответит и истинный убийца.

– Андрей Владимирович, – всё ещё негодуя, но уже с нотками мольбы в голосе спросила девушка, – а сами-то вы верите в этот бред?

– Нет, я не верю, потому-то и хочу помочь вам.

– Как?

– Я просто хочу доказать, что во время убийства вы были заняты чем-то другим. Если вы не хотите раскрывать чьё-то имя, оно называться не будет, но я должен знать его, должен проверить.

– Имя? – с удивлением, перерастающим в возмущение, выпучивая глаза на Андрея, спросила Татьяна. – Вы думаете, что я была у мужчины? – У Татьяны был оскорблённый вид.

– Простите, я не хотел вас обидеть, я, собственно, ничего ещё не думаю, я хотел бы от вас узнать правду.

– Я была на вокзале, – как-то отречённо, как будто уступая Андрею что-то дорогое для себя, ответила девушка.

– На вокзале? – удивился Андрей. – Зачем? На каком вокзале?

Татьяна передёрнула плечами и обиженным тоном ответила:

– Не знаю зачем. Мне позвонили от сестры и сказали, что она передала мне поездом посылку. Я ходила её получать. – Татьяна обиженно отвернулась к окну.

– Получили?

– Нет. Посылки не было. Сестра мне ничего не высылала, это была чья-то глупая шутка. – Девушка по-прежнему прятала обиженный взгляд, сопровождая им свои действия – стряхивание пепла с сигареты.

– Шутка? Вы хотите сказать, сестра вам ничего не отправляла и не звонила?

– Нет. – Татьяна подняла глаза и посмотрела в глаза Андрея. Злости в её взгляде уже не было.

– А кто же вам звонил?

– Не знаю, – девушка неопределённо повела плечом, – женщина. Она представилась, как Ольга сослуживица.

– А Ольга – это сестра?

– Да. Я, знаете, так удивилась, говорю, а почему Ольга не сама мне звонит, а женщина ответила, что якобы у Ольги отключили телефон за неуплату. Мне это тогда уже показалось странным: Ольга – человек аккуратный, она не могла допустить такого.

– Я прямо с вокзала позвонила Ольге на мобильный, она ничего не знает. И телефон у неё не отключали, и ничего она мне не высылала, она сама недавно просила меня купить её мужу куртку.

– Где живёт ваша сестра?

– В Киеве.

– Вы ездили на Киевский вокзал?

– Да.

– Вас там кто-нибудь видел?

– Конечно, проводник шестого вагона. Эта женщина мне сказала, что Ольга передала посылку с проводницей из шестого вагона, хотя у Ольги знакомые проводницы в двенадцатом вагоне, я и к ним подходила, нет, конечно.

– Так кто ж, по-вашему, мог так пошутить?

Татьяна снова неопределённо повела плечами, потянула паузу и, одновременно выдыхая воздух, ответила нараспев:

– Не знаю.

По её лицу было видно, что она действительно не знает и это мучает её.

– Вам голос этой женщины не показался знакомым?

– Нет.

– А звонили точно из Киева?

– Теперь я не уверена, но тогда я поверила. Сказали «ответьте Киеву», потом заговорила эта дама. Она даже как-то назвала себя, вроде бы Ларисой, и сразу пояснила, что она работает вместе с Ольгой и та её просила мне позвонить.

Андрей с Татьяной поговорили ещё минут десять о расписании поездов, о посылках, о том, почему поездом, а не почтой, о проводниках, о сестре и другом. Чем дольше они говорили, тем больше Андрей убеждался, что Татьяна не так уж стервозна, как показалось вначале, что она очень нуждается во внимании и защите и стервозность её – это защитная реакция маленькой одинокой женщины. Вдруг Андрей заметил, что у неё красивый высокий лоб, высокая грудь, на лице чистая кожа. Протягивая в очередной раз руку к пепельнице, Татьяна смахнула рукавом халата зажигалку и тут же наклонилась за ней. Горловина её халата отвисла вниз и обнажила красивую белую грудь женщины.

«Как-нибудь заскочу к ней», – подумал Андрей.

Сегодня у капитана Рублёва болела голова. Вчера вечером к нему зашел брат, и распили-то всего бутылку, но сегодня с утра, ещё не поднимая головы с подушки, капитан почувствовал тошноту и боль в висках. Проходя по узкому проходу между клетками львов, капитан хотел одного: скорее проскочить это зловонное место и прийти куда-нибудь, где можно присесть и попросить глоток воды. Голова к вечеру разболелась так, что надо было всё-таки выпить таблетку анальгина, которую на всякий случай, зная, что боль может усилиться, он прихватил с собой. Но впереди неторопливо шел широкоспинный охранник. Он нарочито медлил, предоставляя понравившемуся ему капитану возможность полюбоваться зверями. Войдя в длинный коридор, охранник остановился у первой двери, постучал в нее, не дожидаясь ответа, открыл и просунулся в проем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.